

«Нервное истощение» (*синкэй суйдзакү*) и писатель Танидзакү Дзюнъитиро

М. Г. Селимов

Аннотация

Статья посвящена распространению новомодной «болезни» (*синкэй суйдзакү*) среди японской творческой элиты XX в., частью которой был писатель Танидзакү Дзюнъитиро (谷崎潤一路, 1886–1965), чей художественный образ «болезненного гения» сформировался под непосредственным влиянием психиатра Сугита Наоки (杉田直樹, 1887–1949), трудов Р. Крафта-Эбинга (1840–1902) и Отто Вейнингера (1880–1903).

Прочная причинно-следственная связь между психикой и творчеством была обусловлена тем, что произведения европейской классики проникали в Японию одновременно с биографиями их авторов. Это формировало веру в зависимость литературы, скажем, Ф. Достоевского или Г. Мопассана от их «болезненности», благодаря чему «недуги» литераторов были актуализированы в Японии первой половины XX в., став ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Широко распространившиеся идеи противопоставлялись нео-конфуцианской мысли прошлой эпохи — гениальность уже не зависела от образованности, а от психических патологий, дарующих их обладателям особое чутье и талант. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в., позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированное положение на развивающемся рынке массовой культуры.

Синкэй суйдзакү стал маркером того, что интеллектual испытывает на себе всю тяжесть современной цивилизации, находится на передовом крае процесса модернизации. Образ болезненного гения-мазохиста, сконструированный литератором Танидзакү Дзюнъитиро, лег в основу практически всех его произведений.

Главным методом исследования является аналитический. Особое внимание уделяется специфике развития японской культуры первой четверти XX в., когда Танидзакү Дзюнъитиро включился в дискурс эпохи модер-

низма со своими представлениями об идеальной женщине, которая должна была изменить «генетический» код японской нации, преобразовав человека не только внешне, но и ментально. Произведения литератора — это серия «манифестов», направленных на переосмысление роли и образа женщины в современном обществе, поиск собственной идентичности, места японской нации в современном мире.

Ключевые слова: японская литература, история литературы, Танидзакки Дзюньитиро, *синкэй суйдзяку*, «болезненный гений», Крафт-Эбинг, Отто Вейнингер.

Автор: Селимов Мазай Гаджимагомедович, научный сотрудник и аспирант Отдела литератур стран Азии и Африки Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, 121069, Москва, ул. Поварская 25а).

E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

“Neurasthenia” (*Shinkei Suijaku*) and Writer Tanizaki Jun’ichirō

M. G. Selimov

Abstract

This article is devoted to the spread of the vogue “disease” — *shinkei suijaku* (神経衰弱) among the Japanese creative elite of the 20th century. Part of it was writer Tanizaki Jun’ichirō (谷崎潤一郎, 1886–1965), whose artistic image of a “mad genius” was formed under the direct influence of psychiatrist Sugita Naoki (杉田直樹, 1887–1949) and the works of R. Krafft-Ebing and Otto Weininger. The strong causal relationship between “madness” and creativity was caused by the fact that European works of literature came to Japan simultaneously with biographies of their authors. This formed the belief that literature (Dostoevsky or Maupassant’s works, for instance) depended on “madness”. Due to this, the image of a “mad genius” was popularized in Japan in the first half of the 20th century, becoming a key element of the persona of a “modern” writer. These widespread ideas were opposed to the Neo-Confucian thought of the past, Tokugawa era. Genius no longer depended on education, but mental pathologies, giving their

owners a special flair and talent. The works of European philosophers and psychiatrists, biographies of writers of the 19th century allowed the “new” Japanese artists to create for themselves a privileged position in the developing market of mass culture. *Shinkei suiijaku* became a marker of the fact that an intellectual was experiencing the full weight of modern civilization; they were at the very edge of the modernization process. The image of a morbid masochist genius constructed by writer Tanizaki Jun’ichirō formed the basis of almost all of his works.

The main method of research is analytical. Special attention is paid to the specifics of the development of Japanese culture in the first quarter of the 20th century, when Tanizaki Jun’ichirō joined the discourse of the modernist era with his ideas about the ideal woman who had to change the “genetic” code of the Japanese nation, transforming a person both externally and internally. The works of the writer are a series of “manifestos”, aimed at rethinking the role and image of women in modern society, searching for one’s own identity and the place of the Japanese nation in the modern world.

Keywords: Japanese literature, literary history, Tanizaki Jun’ichirō, *shinkei suiijaku*, “mad genius”, Krafft-Ebing, Otto Weininger.

Author: *Selimov Mazay G.*, Research Fellow and PhD Student of the Department of Asia and Africa Literatures, A. M. Gorky Institute of World Literature of RAS (25a Povarskaya Street, Moscow, Russian Federation, 121069).

E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В первой четверти XX в. современная японская культура получила значительное развитие, новизна воспевалась во всем (литературе, театре, живописи, философии и т. д.), деятели искусств уверенно шагали в новый модернистский мир.

В молодежной среде разгорелся интерес к европейской философии, психиатрии и будоражающему сознание современному искусству, благодаря чему в конце 1920-х гг. произошел всплеск оригинальной культуры *эро гуру нансэнсу*¹. Исследователь современной японской

¹ *Эро гуру нансэнсу* (エロ・グロ・ナンセンス) — термин, обозначающий главную характеристику японской массовой культуры конца 1920-х — начала 1920-х гг.: эротика, гротеск, абсурд. Отличительной особенностью периода явилось значительное увеличение литературы, глянцевого журналов, газетных статей, сосредоточенных вокруг эротического

культуры Мириам Сильверберг предполагает, что культура эротики, гротеска и абсурда начала зарождаться после Великого землетрясения Канто (関東大震災, 1 сентября 1923), разрушившего столичный регион [Silverberg 2006, pp. 7–30], а согласно доминирующей в настоящее время концепции японской модернистской литературы, «под термином “модернистская литература” понимаются различные движения авангарда и “искусства ради искусства”, действовавшие между 1924 и 1931 гг.» [Хронопуло 2015, с. 276]. Однако хотелось бы возразить и заметить, что в литературе это явление проявляется гораздо раньше — оно, как мне видится, охватывает конец периода Мэйдзи (明治時代, 1868–1912), прочно связанного с реакцией японских писателей на футуризм, поэтому с уверенностью можно сказать, что элементы культуры эротики, гротеска и абсурда, американизмы, проявление интереса к гедонистической жизни и гендерным проблемам начали появляться уже в начале XX в.

Так в 1909 г. свою заинтересованность модернизмом продемонстрировал известный японский писатель, сторонник немецкой романтической школы и переводчик «Фауста» Гёте Мори Огай (森鷗外, 1862–1922). На страницах влиятельнейшего литературного журнала «Субару» (すばる) он опубликовал свой перевод «Первого манифеста футуризма» Филиппо Томмазо Марринетти. Произведение было представлено японской публике уже через несколько недель после его появления во французской газете «Фигаро»: «Комментируя манифест, Мори Огай отметил, что Маринетти “добавил философию Ницше к мелодике Виктора Гюго”. После выхода перевода манифеста на японский язык и статьи Огая поэт-символист Такамура Котаро (高村小太郎, 1883–1956) из “Общества Пана” (パンの会, Пан-но кай), заинтересовавшись этим новым явлением в литературной жизни Запада, написал Маринетти письмо с просьбой подробно разъяснить содержание футуристических лозунгов. В ответ Маринетти прислал целую серию манифестов, статей, эссе своих соратников по футуристической группе — Боччони, Северини, Кара, Руссоло, Балла, а также свои собственные. Все эти материалы были переведены на японский язык, что послужило отправной точкой для возникновения авангарда на японской почве» [Мошняга 2005, с. 62–63].

Гротеска. Главным представителем культуры *эро гуру нансэнсу* можно назвать писателя Эдогава Рампо (江戸川乱歩, 1894–1965), после публикации его рассказа «Тень чудовища» (陰獣) и начался бум этой культуры.

Прогрессивная часть интеллигенции была очарована возможностями технического прогресса. В эссе «Настоящее и будущее кино» (活動写真の現在と将来, *Кацудо:сясин-но гэндзай то сё:рай*, 1917) Танидзаки Дзюньитиро крайне ясно выразил свое отношение к современным техническим возможностям — кинообъективам, камерам, возможностям монтажа и т.д. — и их влиянию на искусство [Tanizaki 1999b]. Грезы японцев о том, что самая безумная утопия может быть реализована благодаря прогрессу, вскружила головы писателям, художникам, артистам. Однако обращение к новым формам выражения, эксперименты были необходимы интеллектуальной элите для самопознания, самоопределения в новом мире.

Танидзаки Дзюньитиро

Жажда революционных изменений, которую демонстрировал писатель Танидзаки Дзюньитиро — попытки участия в модернизации общественного сознания, — во многом связаны с тем, что японский модернизм начинает заигрывать с европейской психиатрией. К 1910-м гг. формы психических и сексуальных девиаций начинают натурализоваться в японской словесности, становясь ее ключевой чертой. Не в последнюю очередь это происходит благодаря популяризации европейских психиатров и их биографий в Японии.

Танидзаки Дзюньитиро в этот период жизни находится в дружеских отношениях с психиатром Сугита Наоки (杉田直樹, 1887–1949), который стажировался в Германии и стал профессором Университета Нагоя. С Сугита Наоки писатель познакомился еще в старшей школе, вскоре они вместе начали работать над выпуском журнала «Ассоциация выпускников» (校友会雑誌, *Ко:ю:кай дзасси*). Сугита специализировался на психопатологиях, «изучал труды немецкого психиатра Крафта-Эбинга², Отто Вейнингера³, Чезаре Ломброзо⁴» [Chiba 2020, Лос. 445]. В последние годы жизни опубликовал множество книг, в том числе «Современная культура и интимная жизнь» (近代文化

² Рихард фон Крафт-Эббинг (1840–1902) — немецкий психиатр, один из основоположников сексологии.

³ Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский философ, исследователь человеческой сексуальности.

⁴ Чезаре Ломброзо (1835–1909) — итальянский психиатр, основоположник антропологического направления в криминологии, исследователь человеческой сексуальности.

と性生活, *Киндай бунка то сэйсэйкацу*, 1931). Отмечу, что статья Сугита, посвященная философу Отто Вейнингеру «*Отто Вейнингер с физиологической точки зрения*» (生理学上より見たるオットー、ワイニンゲル, *Сэйригаку уэёри митару отто вейнингэру*, 1910) вышла во втором выпуске журнала «Синситё» (新思潮), в котором, отмечу, состоялся дебют Танидзаки Дзюнъитиро — был напечатан рассказ «*Татуировка*»⁵. Сугита Наоки говорит о судьбе Отто Вейнингера, родившегося в Вене и опубликовавшего в 1902 г. труд под названием «*Пол и характер*». Спустя три месяца после этого события 33-летний философ снял комнату, в которой ушел из жизни Бетховен и застрелился в ней. «Сугита подходит с юмором и сочувствием к описанию портрета Отто Вейнингера» [Chiba, 2017, p. 12]. Дружба с Танидзаки продолжалась вплоть до смерти Сугиты в 1949 г. Исследователь Тиба Сюндзи отмечает, что Сугита Наоки стал «прообразом доктора Кусида, лечившего Эцуко от нервного срыва» [Chiba 2020, Loc. 753–754] в романе Танидзаки Дзюнъитиро «*Мелкий снег*» (細雪, *Сасамэюки*, 1943–1948).

Замечу, что имя философа Отто Вейнингера звучит в произведении Танидзаки Дзюнъитиро «*До тех пор, пока меня не бросят*» (捨てられる迄, *Сутэрарэру мадэ*, 1914): «Как поясняет Вейнингер, если в мире нет идеального юноши и идеальной девушки⁶, то в мире нет абсолютно никакой разницы между полами, соответственно, любое состояние может быть применимо к индивиду. Кокити как-то обнаружил, что время от времени его переполняют женские эмоции. В такие моменты он и в самом деле становился настоящей женщиной» [Tanizaki 1981, p. 232].

Нет также сомнений и в том, что Танидзаки Дзюнъитиро прекрасно был знаком с трудами австрийского психиатра Р. Крафта-Эбинга (1840–1902), по крайней мере с работой «*Половая психопатия*» (*Psychopathia Sexualis*, 1886), которую Танидзаки упоминает в романе «*Дзётаро*» (饒太郎, *Дзё:таро:*, 1914): «Юный Дзётаро был удивлен, восхищен и взволнован после того, как познакомился с книгой Крафта-Эбинга “Половая психопатия”» [Tanizaki 1999a, p. 27]. Японец, напуганный своими сексуальными фантазиями, которые традиционное общество может заклеить как «извращение», вдруг осознал,

⁵ Рассказ был переведен на русский язык А. А. Долиным.

⁶ В каждом человеке присутствуют как женское, так и мужское начала.

что в мире существуют десятки тысяч человек, ощущающих схожие желания.

Хотелось бы подчеркнуть, что персонажи Танидзак Дзюнъитиро в большей или меньшей степени наделены психиатрическими патологиями — большая часть героев — как художественных, так и автобиографических — произведений Танидзак являются мазохистами, а героини садистками.

Впервые эти термины в психиатрию и сексопатологию ввел Р. Крафт-Эбинг для описания конкретных сексуальных девиаций человека. Мазохист испытывает удовольствие от физического и/или психического насилия, наносимого партнером — термин «мазохизм» получил название по имени австрийского писателя Л. Захера Мазоха (1836–1895), который писал о мужчинах, находящих очарование в том, чтобы быть униженными женщинами, в которых влюблены [Захер-Мазох 1993]. Садист испытывает удовольствие от физического и/или психологического насилия над своим партнером — термин «саниззм» получил название по имени французского философа и писателя Маркиза де Сада (1740–1814).

В письме, отправленном другу по имени Онуки (大貫), Танидзак сообщает, что влюблен в горничную, прислуживающую в доме Сасанума Гэносукэ (笹沼源之助): «Я ей еще ничего не говорил. Я совершенно не уверен в том, ответит ли она своей любовью на мою, если я ей откроюсь. Но я желаю, чтобы она стала моей женой, даже если не сможет полюбить меня. Она не обязана быть искренней со мной. Я позволю ей лгать мне, играть мной и даже убить меня. По неведомым мне причинам я просто хочу находиться рядом с ней. И если мне не удастся стать ее мужем, то я буду счастлив стать для нее собакой, лошадью, свиньей» [Tanizaki 1970, pp. 180–181]. Подобные заявления Танидзак Дзюнъитиро делал уже будучи знакомым с трудом Р. Крафта-Эбинга «Половая психопатия», намеренно акцентируя внимание адресата на своей «болезненности».

Искусство

Подчеркну, что понятие «искусство», которое появилось в Японии лишь во второй половине XIX в., породило идею о том, что литературные тексты обладают уникальной ценностью, не сводимой к моральному, религиозному или научному содержанию, как это было в эпоху

Токугава. А увлечение немецкими философами, психоанализом, сексуальными девиациями, приводит к изменению восприятия художника. Соответственно, возникает «миф» о том, что творить искусство может лишь человек «болезненный» — обладатель психических патологий.

Важно отметить, что в начале XX в. представление о писателях как о художниках являлось предметом споров. Такие понятия как «художник» (美術家, *бидзюцука*) и «искусство» (美術, *бидзюцу*) все еще были неоднозначными, поскольку впервые появились в японском языке лишь в начале 1870-х гг. как переводы западных понятий. «Любое обсуждение "искусства" в первые десятилетия современной Японии было творческим усилием, эффективно производящим и формирующим посредством критического дискурса объект, который он якобы описывал» [Suzuki 2006, pp. 151–152]. Именно в этом нестабильном контексте художественная проза стала рассматриваться как «искусство».

Очевидно, что художественная литература была не нова для Японии, которая достигла значительных высот по производству массовой развлекательной литературы *гэсаку* (戯作) еще в период Токугава (徳川時代, 1603–1868), но идею того, что она может являть собой искусство, обладать некой ценностью, а не быть лишь чтивом для приятного времяпрепровождения, поднял критик и шекспировед Цубоити Сёё (坪内逍遙, 1859–1935) в первых строках своего трактата «Сущность романа» (小説神髓, *Сё:сёцу синдзуй*, 1885), заявив, что роман — это «искусство» [Tsubouchi 1946, p. 14]. Он ссылается на лекцию «Истинное значение искусства» (美術真説, *Бидзюцу синсёцу*, 1882) американского философа, этнографа и преподавателя Токийского императорского университета Эрнеста Феноллозы (1853–1908) [Murakata 1983, p. 45]. Само же слово «*бидзюцу*» было впервые использовано в 1872 г. для перевода списка экспонатов, привезенных японцами на Всемирную выставку 1873 г. в Вене⁷.

«Безумный гений»

Литературный критик Ито Кэн (井東憲, 1895–1945) в труде под названием «История безумных литераторов» (変態作家史, *Хэнтай*

⁷ «Музыка, живопись, скульптура, поэзия и прочее были названы «искусством» на Западе». См. подробнее: [Kitazawa 2005, p. 9].

саккаси, 1926) утверждает, что «“гениальность” — это извращение, психическое заболевание, подвид безумия <...>. В наши дни никто не сомневается в том, что гений — это психически нездоровый человек (変質者)» [Ito 1926, pp. 3–4]. Действительно, писатели начала XX в. соглашались с этим утверждением, воспринимая идею «психического расстройства» (девиантного поведения, «безумия») как гениальность, вокруг которой конструировались художественный образ, литература.

Замечу, что профессия писателя в домодернистской Японии была напрямую связана с конфуцианской наукой, требовала от него знания конфуцианских канонических текстов и истории. Литераторы, не соответствовавшие этим стандартам, подвергались критике в виду отсутствия образования (学歴, *гакурэки*). По этой причине, создателям развлекательного чтения, чей талант (才子, *сайси*), подчеркну, не оспаривался, зачастую приходилось скрываться за псевдонимами. Образованность ставилась выше таланта.

Переосмысленная модернизацией Мэйдзи иерархия образованности и таланта привела к появлению таких идей как «внутренняя жизнь» (内部生命, *найбу сэймэй*) поэта Китамуры Тококу (北村透谷, 1868–1894) или «индивидуализм» (個人主義, *кодзинсуги*) литературного критика и писателя Такаямы Тёгю (高山樗牛, 1871–1902), которые уничтожили привилегированную связь словесности с конфуцианской образованностью, создали другую — прочную связь между литературой и авторской индивидуальностью [Suzuki 1996, pp. 32–41].

Публицист и переводчик на японский язык трудов русского анархиста-революционера П. А. Кропоткина (1842–1921) Котоку Сюсуй (幸徳秋水, 1871–1911) в статье «Три необходимых элемента композиции» 1907 г. поднимает вопрос о том, что аргументированное письмо (論文, *ромбун*) требует образованности, но «если дело касается поэзии и художественной литературы (美文, *бибун*), то и необразованный человек (無学な人, *мугакуна хито*) может создать отличное произведение» [Kotoku 1929, p. 81]. Это видение прямо противоположно взглядам на творчество эпохи Токугава. Литература начинает характеризоваться именно как деятельность, не требующая образованности, но зависящая от «болезненной гениальности».

Японский литературный критик Каратани Кодзин отмечает, что ценность литературы как нечто производное от уникального авторского «Я», новые идеи помогли распространению мысли о том, что гений — «психически нездоровый» человек, которого от прочих

отличает умение создавать произведения искусства. Более того, растущий интерес к исследованию потаенных уголков внутреннего мира человека посредством литературного выражения был вызван текстами европейских философов и психиатров XIX–XX вв. [Karatani 1993, pp. 45–75].

Это привело к распространению модной «болезни» под названием «нервное истощение» (神経衰弱, *синкэй суйдзяку*) — болезнь считалась неизбежным результатом того, что интеллектуалам пришлось испытать на себе всю тяжесть современной цивилизации. В начале XX в. нервное истощение стало настолько популярной темой для обсуждения, что эту «болезнь» называли «национальным заболеванием» — ее наличие свидетельствовало о том, что интеллектуал находится на передовом крае процесса модернизации [Cornyetz, Vincent 2009, pp. 241–258]. А в медицинском журнале «Синкэйгаку дзасси» (神経学雑誌) публиковались статьи, которые «определяли эту болезнь как недуг людей культуры» [Kitanaka 2012, p. 60].

Выдающийся писатель эпохи Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916) на лекции «Современная японская цивилизация» (現代日本の開化, *гэндай нихон-но кайка*, 1911) сказал: «<...> нервное истощение — это именно то, чем большая часть профессуры заканчивает после десяти лет напряженной работы» [Rubin, Rimer, Gessel 2005, p. 321]. Ментальное заболевание у литераторов стало почти необходимым условием для повышенной художественной чувствительности, поскольку «современность» и «психические патологии» стали отождествляться друг с другом.

Известные писатели Нагаи Кафу (永井荷風, 1879–1959) и Гото Суэо (後藤末雄, 1886–1967) писали о заболевании крупнейшего французского поэта Ги де Мопассана (1850–1893) как о цене, которую он заплатил за свой дар, пожертвовал всем ради искусства. Жизнь художника два литератора рассматривали как средство, не более [Miyanaga 2012, pp. 245–246]. А поэт и литературный критик Хироцу Кадзуо (広津和郎, 1891–1968) прямо связывал приступы психоза шведского писателя Августа Стриндберга (1849–1912) с его талантом: «Благодаря душевным заболеваниям, галлюцинациям и сумасшествию он достиг психического состояния, которое было выше гениальности, выше безумия» [Hirotzu 1919, pp. 127–128]. Внимание влиятельного литературного критика первой половины XX в. Синдзё Ваити (新庄和一, 1891–1952) было приковано к личности Ф. М. Достоевского,

заболевание которого (эпилепсия) он описывает как «священный недуг», даровавший ему особое художественное видение, чутье, недоступное обычным людям [Shinjo 1916, p. 195]. В биографиях литераторов первой половины XX в. проблема с ментальным здоровьем упоминается как центральная черта личности. Например, исследователь творчества Нацумэ Сосэки Акаги Кохэй (赤木桁平, 1891–1949) писал, что в «сравнении с такими великими гениями как Федор Достоевский и Ги де Мопассан, чьи “сложные и извилистые” жизни являли собой “материнскую утробу их великого искусства”, жизнь Нацумэ Сосэки была посредственной и скучной» [Akagi 1917, p. 10]. Акаги признает, что Ф. М. Достоевский и Г. Мопассан создали свои произведения искусства благодаря проблемам со здоровьем.

Биографическая литература укрепила понимание того, что гениальность прочно связана с психологическими проблемами, сделав «болезненность» неотъемлемой частью творческих способностей многих литераторов. Эти прочные причинно-следственные связи между психикой и творчеством были обусловлены тем, что произведения европейской классики проникали в Японию одновременно с биографиями их авторов, тогда как европейская аудитория XIX в. сначала знакомилась с творениями, а с биографиями авторов произведений уже сильно позже.

Японское видение литературного гения и растущий общественный интерес к сексуальным девиациям привели к появлению известного журнала периода Тайсё «Хэнтай синри» (変態心理, «Извращенная психика»), издававшегося с 1917 по 1926 гг. Журнал пытался представить максимально полную панораму аномалий современного общества — особенно писателей. В издании журнала, например, участвовали литературный критик, поэт *танка* и психиатр Сайто Мокити (斎藤茂吉, 1882–1953) и писатель Кода Рохан (幸田露伴, 1867–1947).

Издание периодически ссылалось на японских и западных литераторов в дискуссиях об актуальности различных патологий для анализа современной культуры [Takeuchi 2014, pp. 80–81]. Выпуски регулярно включали колонку о современной поэзии и прозе — в феврале 1920 г. в пятом выпуске журнала вышел обзор произведения Танидзаки Дзюнъитиро «Русалочка» (鮫人, *ко:дзин*, 1920) [Jo 2007, pp. 109–110].

Заключение

В Японии первой половины XX в. «болезненность» литераторов была актуализирована, став ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Широко распространилась вера в то, что гениальность напрямую связана с психическими патологиями, дарующими их обладателям особое чутье, талант, который никак не связан с образованием. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в., позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированное положение на развивающемся рынке массовой культуры.

Танидзаки Дзюнъитиро можно назвать одним из крупнейших «болезненных гениев» XX в. Посредством медицинских теорий О. Вейнингера о гендерной дифференциации (о том, что не существует идеальной женщины и идеального мужчины), психопатологических особенностей, описанных Р. Крафтом-Эбингом, распространенных биографий западных литераторов, писатель создает концепцию болезненного эстета-мазохиста, находящегося в поисках или пытающегося создать свой женский идеал — садистку, жаждущую измываться над ним физически и/или морально. Эта концепция стала основой практически всех произведений Танидзаки Дзюнъитиро, его «орудием» борьбы с устаревшей общественной моралью.

Библиографический список

Мошняга П. А. (2005). Японская авангардная поэзия 20-х гг. XX в. Научные труды Московского гуманитарного университета 52. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2005. С. 62–63.

Хронопуло Л. Ю. (2015). Первый Этап модернизма. Становление и развитие японского модернизма. *Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки*. — Санкт-Петербург: Студия НП-Принт. С. 270–298.

Захер-Мазох Л. (1993). Венера в мехах. Демонические женщины. — Москва: Республика.

References

Akagi, K. (1917). *Natsume Soseki*. Tokyo: Shinchōsha. p. 10. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/954363> (In Japanese).

Chiba, S. (2017). *Sugita Naoki to Tanizaki Jun'ichirō — zenshū mishūroku shokan no shūkai o fukumu* [Sugita Naoki and Tanizaki Jun'ichirō — Acquaintance With Works not Included in the Complete Works]. Tokyo: Nihon kindai bungakukan. (In Japanese).

Chiba, S. (2020). *Tanizaki Jun'ichirō seiyoku to bungaku* [Tanizaki Jun'ichirō's Sexual Fantasies and Literature]. Tokyo: Shūeisha. Kindle Edition. (In Japanese).

Corneyetz, N., Vincent, K. (2009). *Perversion and Modern Japan: Experiments in Psychoanalysis*. London: Routledge.

Hirotsu, K. (1919). *Sutorinberugu hyōden* [Biography of August Strindberg]. Tokyo: Shyunyō. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/956459> (In Japanese).

Ito, K. (1926). *Hentai sakkashi* [The History of Mad Writers]. Tokyo: Bungei shiryō kenkyūkai. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1880615> (In Japanese).

Jo, S. (2007). *Tanizaki Jun'ichirō no "watashi" to zasshi "hentaishinri" — "honta urashi-sa" to gensetsu no haichi-sei o megutte* [Tanizaki Jun'ichirō's "I" and the "Perverted Psyche" Magazine — About "Realism" and the Appearance of Comments]. Tokyo: Waseda daigaku kokubungakukai. (In Japanese).

Karatani, K. (1993). *Origins of Modern Japanese Literature*. Durham: Duke University Press.

Khronopulo, L. (2015). Pervyi Etap modernizma. Stanovlenie i razvitie yaponskogo modernizma [The First Stage of Modernism. Formation and Development of Japanese Modernism]. In: *Modernizm v literaturakh Azii i Afriki. Ocherki* [Modernism in the Literatures of Asia and Africa. Essays]. Saint-Petersburg: Studiya NP-Print. (In Russian).

Kitanaka, J. (2012). *Depression in Japan: Psychiatric Cures for a Society in Distress*. Princeton: Princeton University Press.

Kitazawa, N. (2005). *Kyōkai no bijutsu-shi: "Bijutsu" keisei-shi nōto* [The Boundaries of Art History: A Notebook of the History of Education "Art"]. Tokyo: Seiunsha. (In Japanese).

Kotoku, S. (1929). *Ronbun no san yōken* [Three Requirements of the Thesis]. Tokyo: Kazōsha. (In Japanese).

Sacher-Masoch, L. von. (1993). *Venera v mekhakh. Demonicheskie zhenshchiny* [Venus in Furs. Demonesses]. Moscow: Respublika. (In Russian).

Miyanağa, T. (2012). *Nagai Kafu to Mōpassan* [Nagai Kafu and Guy de Maupassant]. *Shakaishirin*, 58, 4, 245–246. (In Japanese).

Moshnyaga, P. (2005). *Yaponskaya avangardnaya poeziya 20-kh gg. XX v. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta 52* [Japanese Avant-Garde Poetry of the 1920s. Academic Papers of the Moscow University of the Humanities 52]. Moscow: Moscow University of the Humanities. (In Russian).

Murakata, A. (1983). *Bijutsu shinsetsu to Fenorosa ikō* [The True Meaning of Art and the Literary Heritage of Fenollosa]. Tokyo: Eibungakuhyōron. (In Japanese).

Rubin, J., Rimer, T., Gessel, V. (2005). *The Columbia Anthology of Modern Japanese Literature: From Restoration to Occupation, 1868-1945*. New York: Columbia University Press.

Shinjo, V. (1916). *Dosutoiefusuki* [Dostoevsky]. Tokyo: Rakuyōdō. Retrieved July 29, 2021, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/954308> (In Japanese).

Silverberg, M. (2006). *Erotic Grotesque Nonsense: The Mass Culture of Japanese Modern Times*. Los Angeles: University of California Press.

Suzuki, S. (2006). *The Concept of "Literature" in Japan* / trans. by Royall Tyler. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Suzuki, T. (1996). *Narrating the Self: Fictions of Japanese Modernity*. Stanford: Stanford University Press.

Takeuchi, M. (2014). "Hentai" to iu bunka — kindainihon no "chīsana kakumei" [The Culture Called "Perversion" Is a Modern Japanese "Micro Revolution"]. Tokyo: Hitsujishobo. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1970). [Letter from Tanizaki Junichiro to Mr. Onuki dated May 18, 1910]. In: *The Complete Works of Tanizaki Junichiro*, Vol. 24. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1981). *Suterareru made* [Until She Leaves Me]. In *Tanizaki Jun'ichirō zensyū dai 2 kan* [The Complete Works of Tanizaki Junichiro, Vol. 2]. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1999a). Jotarō. In *Tanizaki rabirinsu II* [Tanizaki Jun'ichirō's Labyrinths, Vol. 2]. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1999b). *Katsudō shashin no genzai to shyōrai* [Present and Future of Moving Pictures]. In *Tanizaki rabirinsu XI* [Tanizaki Jun'ichirō's Labyrinths, Vol. 11] (pp. 249–262). Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tsubouchi, S. (1946). *Shōsetsu shinzui* [The Essence of the Novel]. Tokyo: Gendai Nihon bungaku taikai. (In Japanese).